

Владимир Викторович Руднев

Д О Р Н

мистический детектив
об утрате цивилизацией женского счастья,
предъявленный в декорациях Н.-Новгорода, Москвы,
Киева, Варшавы и Цюриха
в периоде 1896 – 1907 годов.

ПРОЛОГ

У деловых картёжников, как и у любой хищной касты, имеется свой словарь, причём достаточно остроумный. Например, уловку незаметного затягивания жертвы в крупный проигрыш они называют «загаск», что в некоторых диалектах северных охотников прямо означает «капкан».

Затягивание Ивана Ивановича Честина в роковую компанию, собранную для отнимания у него родового помещичьего дома, того самого, роскошного и знаменитого в Нижнем Новгороде «дома с орлами», было решено произвести в гостинице «Афина».

Вопрос: почему в таком людном месте?

Ответ: этим, тысяча девятьсот седьмого года летом, там проживала рюмочка хрустальная, – тонкая, изумительно грациозная, с милейшим личиком, тридцатилетняя актриса Елизавета Филимоновна Цёмина. Те завсегдатаи Императорского Нижегородского театра, что были в стариках, утверждали, что в древнерусском значении «Цёмина» понималось как «Поцелуеподобная». С ними не спорили.

Пятинедельное наблюдение за владельцем «дома с орлами» дало факт: дважды в месяц он владелец приезжал в город для внесения в банк денежного дохода с имения, и на сутки снимал номер в «Афине».

Ценной добычей разведки стало то обстоятельство, что снимаемый Иваном Ивановичем номер неизменно лежал в ярусе третьего этажа точно напротив номера прелестной госпожи Цёминой, в коем, выждав безлюдности, и с опасливой стремительностью перебежав широкий пустой коридор, таящийся кавалер имел с данной госпожой уединённую встречу.

Елизавета Филимоновна, принимая от Ивана Ивановича подарочные её театральному таланту кредитный билет в сто рублей, неизменно напоминала о необходимости секрета, поелику держала в строгой дистанции двоих театральных поклонников, Стеклоедова и Недомахова, принуждённых томиться за столиком внизу, в ресторации, в ожидании её появления к завтраку. Заносчивые никчёмности, сынки богатых купца и помещика, источник для Елизаветы Филимоновны дорогих ювелирных подарков, которые она дальновидно копила на старость, были согласны мыкаться в своей вегетарианской дистанции, основываясь на убеждённости в том, что и совершенно все прочие мужчины Нижнего Новгорода выдерживают в адрес восхищающей их персоны пристойный и незыблемый пост.

О как дрогнула бы эта достойная всеобщего примера убеждённость, если бы у них вдруг возымелось способности к наблюдению, а также не очень изощрённой хватки узнать, что два раза в месяц в номер одиноко проживающей Елизаветы Филимоновны привозится на ресторанной тележке завтрак, состоящий каждый раз из мощного куска филе трески, запечённого под дольками ананасов, двух грибных гранд-жюльенов с двумя жюльенными ложечками к ним, глубокого судка с красной икрой, лимона и масла на фарфоровом лотке, а также бутылки лучшего на этот день в

ресторане шампанского и горячей французской булки, а также малого графина водки и пяти пластов ржаного грубого хлеба.

Тележка с завтраком доставлялась ровно в десять часов. И ровно в двенадцать спускался в ресторацию счастливейший и доброжелательнейший ко всем окружающим его людям Иван Иванович Честин, владелец знаменитого дома с орлами. Он поспешно выискивал взглядом одноместный круглый эгоист-стол в углу возле пальмы, мечтая, чтобы он был свободным, и, обыкновенно найдя его свободным, спешил занять. Там он устраивался, дав половому пятак медью за свежую газету, с сигарой, которую не закуривал, и со стаканом сельтерской воды, которую не пил, и, изнемогая от счастья, наблюдал сверх кромки газеты, как недоступная и гордая Елизавета Филимоновна, мило и ласково улыбаясь, садилась за стол к Стеклоедову и Недомахову, которые, жадно обхватывая взглядами её точёную фигурку, жарко взглядами же сообщали друг другу восторженность тем, как мало Елизавета Филимоновна ест: оставив за непроницаемой гардиной интимности быта сытный грибной гранд-жюльен, французскую булку с красной икрой поверх сливочного масла, и в довесок шампанское, она, скользнув из-за гардины «в свет», неизменно составляла рацион первой половины дня всего лишь из крохотной чашечки кофе с ещё более крохотной цукатой.

- Не токмо лично вам, а в знак вообще приязни к русскому театру, - произносил Стеклоедов удачно один раз найденную сентенцию, и робко клал на столик перед Елизаветой Филимоновной очередной ювелирный футляр.

- Ах, Стеклоедов, - говорила Елизавета Филимоновна, с мало кому доступным сочетанием в голосе покорности и укора. – Ведь знаете, что за вашу приязнь к русскому театру не могу не принять...

И на почти невидимый штришок придвигала к себе даруемое, опрокидывая дарителя в упруго взмывающую волну счастья.

- Тако ж чтоб не остаться к другу невежливым, - быстро прибавлял ненаходчивый на сентенции Недомахов, выкладывая заготовленное и им.

- Ах, милый Недомахов, - отвечала ему Елизавета Филимоновна, производя повторный штришок. – Как же мне, пронзительно одинокому существу, не оценить вашей к Стеклоедову дружбы!

Из всего этого месива светских неискренности Иван Иванович Честин выхватывал для себя одно только это: «пронзительно одинокому существу...» и кромка газеты размывалась за слегка пьяной слезой. Значения никакого не приобретал факт, - а у него был такой факт, - что Елизавета Филимоновна, устраняя своё одиночество им, Иваном Ивановичем Честиным, не менее чем дважды принимала точнее такие же, как и у него, сто рублей, от генерала Мордвинова: во время сна трогательной в своей хрупкости актрисы машинально развернул, подняв, упавший лист, найдя в нём как письмо (певучей масюсечке от...), так и деньги за два свидания. Всё тлен. Вечна лишь его мужская без всяких других условий благодарность к ней, слабой в недобром мире худенькой женщине, спасавшей как раз его от как раз пронзительного одиночества. Да. Это было незыблемой базой его отношения к ней: благодарность. А «масюсечки», да быть может вполне и «масюлечки» и «масывочки» за сто рублей - это тлен.

Вечером в театре будет буйное восхищение, и цветы, и немногочисленная, но давка у ребра рампы. И зычно приветствуемая мужским стадом, набившимся в зал, блистательная Елизавета Филимоновна Цёмина протянет ручку для поцелуя как бы рассеянно двоим из давки – Стеклоедову и Недомахову, - в который раз! – но, вне всяких сомнений, снова случайно: они оба – это любому видно – ничтожества. Хотя как Стеклоедов, так и Недомахов оставались убеждены, что выглядят королями.

Но фактическими королями в тысяча девятьсот седьмом году в Нижнем Новгороде были не они, а мужчины совершенно иной лепки, два двадцатисемилетних отставных майора, звери жестокие, умные, и с безупречным внешним благообразием. Они скоро появятся в данном детективе, после абзаца с золотыми «николаевскими» имперIALами.

Ферзём же в предстоящей роковой партии предстояло выступить ослепительной приездкой красавице Алле Васильевне Золотовой, которая актрису Цёмину поймала на её, Аллы Васильевны, редчайшую красоту, а ещё на редчайшую ювелирную драгоценность.

Елизавета Филимоновна, проходя из гостиницы мимо помещённой в стеклянный куб позолоченной статуэтки Афины, вобрала искушённым взглядом изысканную компоновку крупных цветных бриллиантов в броше на идущей навстречу женщине, а затем и короткую понимающую улыбку, после перемещения взгляда на лицо счастливой в обладании такой ювелирной редкостью персоны. Размеренностью шага унесённая мимо, Елизавета Филимоновна вспыхнувшей в её сердце приязнью вполне отдала должное красоте незнакомой ей посетительницы «Афины». Хотя каждая красивая женщина явно или неявно ревнива к красоте другой женщины, именно приязнь соткала в сердце Нижне-Новгородской актрисочки мимолётная приветливая улыбка, блеснувшая ей с незнакомого, редкостно правильного лица.

На следующий день, на бульваре вдоль набережной Волги, незнакомка встретила вновь и, вблизи узнав, снова по-детски искренне улыбнулась. И кивнула. Радуюсь такому приказу, Елизавета Филимоновна остановилась и кивнула в ответ.

- Я тоже люблю бриллианты, - с заставляющей позавидовать лёгкостью заговорила незнакомка, двумя взглядываниями указав на прекрасные на мочках Елизаветы Филимоновны стеклоедо-недомаховские щедро-лучистые

серьги. И тотчас прибавила: - Золотова Алла Васильевна, бывшая графиня Розенберг.

- Как же... - почти растерянно ответила провинциальная актриса. – Как графиня может сделаться бывшей? – И, поспешно вздёрнув локоток с висящим на его стиге зонтиком, а пальцами прикоснувшись к горлу, почти скороговоркой прибавила: - Цёмина Елизавета Филимоновна, служу в театре.

- После смерти доброго графа Розенберга я приехала из Германии обратно в Россию и, отказавшись от титула, вернула себе отеческую фамилию славного екатерининского генерала, - неотразимо дружески улыбаясь, поведала Алла Васильевна.

- Но, как мне известно, - не с удивлением, а с каким-то странным восторгом ответила Елизавета Филимоновна, - такое возможно с царского разрешения. Да и для чего же отдавать титул?

- И он мне точно так вот сказал. Тогда уже морозная осень была, сладко так листья под шагами скрипели. Пронзительная синь неба. Мы шли по аллее в Петергофе, и он говорит – для чего же отдавать титул? А я ему говорю – хочу посвятить себя революционной борьбе по свержению Российского самодержавия. И в случае если предстоит мне погибнуть, хочу быть отпетой под родовой фамилией.

- Ох же ж... - только и произнесла Елизавета Филимоновна.

Алла Васильевна, понимающе кивнув, продолжила:

- А он остановился, так остро-тоскливо взглянул мне в лицо, и сказал: «Завидую. Как бы я тоже хотел взрывать и перекраивать мир».

- О Господи! Вот так и сказал?

- Да. Я не делаюсь дерзкой с влиятельными мужчинами, тем более с властными, я им подыгрываю. Но тогда ответила почти дерзко: «Пожалуйста. Кто мешает». Он повернулся, пошёл, и я поспешила догнать, и услышала сквозь быстрый хруст повторно гибнущих листьев, хотя он говорил тихо:

«Судьба мне мешает. Судьба. Мне предстоит самому быть перекроенным». А сейчас я шла выпить над Волгой абсента, по настоящему Венскому ритуалу, с огнём и расплавлением сахара. У меня и химическая спиртовка, и ложечка с дырочкой при себе. Вы не согласитесь выпить абсент в компании со мной, уважаемая Елизавета Филимоновна?

Елизавета Филимоновна вздрогнула, выхваченная из волшебной картины прогулки «с ним» по заиндевевшим до хруста петергофским листьям. Переместила петлю зонтика с одного локтя на другой и совершенно без игры, искренне сообщила:

- За счастье почту.

Они медленно пошли теперь в одном направлении, к белоколонной полуротонде внизу спуска на набережную.

Актриса спросила:

- И повелел титул отнять?

Графиня подтвердила:

- Повелел. Последнее, что сказал – там в отдалении вдруг возникший вестовой адъютант нетерпеливо в служебном раже подрагивал – чтобы я не улыбалась своей ангельской улыбкой по поводу утраты титула в присутствии свиты, а то эта свита обречена оказаться без графинь.

Обречён был и тайно преследуемый карточной бандой Иван Иванович Честин. Рюмка взята одна, ярый абсэнт, жестоко бьющий в мозг и в дыхание, пили по очереди.

- Жандармы в застенках революционерам кости ломают, чтобы услышать эти слова, они безценны. А вам, милая Елизавета Филимоновна, говорю даром: я эсэрка. Видите ли, абсент преполезен, когда возникает нужда снять нервное напряжение, а у меня же его случилось в избытке, – везла через границу чемодан с маузэрами. И другой чемодан – с патронами к ним. Мне один боевик опытный на одну ночь дал для заучивания тетрадку с цифровыми портретами всех пистолетов в мире. Вес, калибр, длина ствола, форма патрона, убойность пули. Так вот, на единственном листочке, кроме

цифрового портрета, была написана отвлечённая фраза: «из него стрелять интересно».

- На листке с маузером! – в дикцию воскликнула догадливая актриса.

- В точку! – одобрила её догадливость романтическая экс-графиня.

И польщённая актриса, пылая от дружелюбия сильной личности и от её абсента, открыла и свои секреты, не исключив ни генерала, ни золотопромышленника, ни единственно близкого сердцу провинциального помещика Ивана Ивановича.

- Я пока ухитрюсь держать в театре репутацию «не такой». Я строгая, во все праздники – в церковь, рукастые любители актрис – на дистанции. Но актрисы все продажны. Все. Даже имеющие гордый и строгий фасад. Нам наша доля понятна: замуж если кто-то возьмёт, то самодур, буян, хвостун, купец, пьяница. Дворянин-помещик, как вот Иван Иванович, актрисучонку бывшую – никогда. Даже и если бы! Я бы сама не пошла. В замужестве детей рожать надобно. А какая я мать, если я... ять. Так что, дорогая Алла Васильевна, у нас, не-эсэрок, забота одна: успеть накопить капитал на остаток жизни за шалый век мужского к нам обожания. Успеть! Потому что их век – миг.

Таким образом, и Ивана Ивановича, и Елизавету Филимоновну выучив наизусть, компания приступила к загаску именно в гостинице, где нежные секретники встречались обязательно по приезду Ивана Ивановича в город для помещения в банк очередной выручки от дохода с имения, производимого управляющим изобильными Честинскими лесами и пашнями Мироном Гаврииловичем Сурковым.

Перед свержением драпировки с тайной картины жестокого и многократно отрепетированного загаска, следует узнать загодя: обладатель твёрдого взгляда и сильной фигуры кузнеца или грузчика, вор и подлец МIRON Гавриилович

Сурков, не скрывая слегка усмирённую гордость, вручал владельцу имения Честину неизменно треть дохода. Треть дохода. Остальные две трети живых денег рационалист, холостяк, трезвенник, сорокалетний недоучившийся агроном секретно складывал в свой громоздкий дорожный кофр, запирающийся на два замка из германской нержавеющей стали, сохраняемый на дубовой макухе высоченного шкафа, второй век неколебимо стоящего на канцелярском посту в расчётной конторке во флигеле, отданном всей династии управляющих имением. Раз в два года, когда пачки денег в кофре пружинили под хлопковой крышкой, пропрессованной в кипящем лаке до твёрдости кровельного железа берлинскими мастерами, Мирон Гаврилович брал кофр и, уезжая в отпуск в Москву, в нескольких банках менял кредитные билеты на золотые «николаевские» десятирублёвые импералы. Золото он хранил в другом тайнике, но его месторасположение будет указано в грядущем галопе событий.

Ровно в двенадцать, сторожко приоткрыв дверь, Иван Иванович вслушался в гулкое пространство коридора. Найдя в нём тишину, отчаянно двинул дверь дальше, выглянул, и с уже известной нам опасливой стремительностью перебежал в свой номер (Елизавета Филимоновна быстро, но аккуратно вернула дверь на место и неслышимо заперлась.) В своём номере он бросил на шляпную тумбу футляр с влажной ещё бритвой, наскоро переобулся, добавил к костюму шляпу, трость и перчатки, и, выйдя теперь степенно, бряцая смело ключом с гостиничной биркой, запер дверь. Он направился в столь желанной ими обоими пустоте коридора к лестнице, ведущей вниз, в первый этаж, в ресторацию, то есть точно в пасть кропотливо сооружённого, аненкастно проверенного на безотказность капкана.

В глубине просторного, но не вполне уютного в своей неизгладимой постояло-дворной казённости коридора, в этот миг раскрылась ещё одна дверь. Вышедший из неё владелец

лакированно-благоннадёжной дворянской личины зверюга, отставной майор Глеб Олегович Дубов громко сказал из коридора в номер:

- Клим Степанович, не извольте спешить, я прежде в ресторации кофию выпью!

И зашагал военными размеренными шагами, воткнув железный взгляд в спину дичи, степенно приближающейся к капкану.

Отнюдь. Второго зверя, отставного майора Клина Степановича Базаева, к которому Глеб Олегович инсценировал обращение, не было в их двухместном номере. А находился он в номере отдалённом, крайнем от лестницы, из которого, услышав парольные свои имя и отчество, вытолкнул в коридор харю багровую, заплывшую от водки, с колкой чёрной щетиной, почти двухсаженного роста. Вытолкнул и захлопнул дверь, укрывая свою персону: харя должна была далее трудиться сама.

Грубо перекрыв путь мирному и бесспорно приличному господину, труженик разнузданным басом, распространив водочную вонь, поинтересовался:

- Када долг отдашь?

И, не дожидаясь, пока изумление перетечёт с миролюбиво-приятного русского лица в миролюбиво-объясняющие, слегка взволнованные слова, даванул приличного господина в стену так, что тот вскрикнул.

Военные шаги печатались по коридору навстречу катящейся к ним вставшей на ребро шляпе. Поравнявшись со шляпой, ни на йоту не сбив ритма, шаги подхватили её и понесли в левой руке.

- Забью сковородой, падла!

Всё по плану. За этими словами должен был следовать жестокий тычок в мягкие ткани плеча, и он последовал.

- Вы обознались! – дала второй пронзительный крик угодившая в капкан непуганая безпечная дичь.

К шуму добавился новый вскрик – Елизаветы Филимоновны, выглянувшей в коридор на знакомый голос. За всеми обитаемыми дверями громадного коридора разом смолкли и вслушались. Хотя услышать им было приготовлено мало. Глеб Олегович, приблизившийся к стальным зубчатым дугам, негромко спросил стиснутую ими дичь:

- Милостивый государь, вы позволите?

И, несильно отмахнув правой рукой, снизу, неуловимо-быстрым движением шлёпнул пропившего рассудок заимодавца открытой ладонью в бок. Затем, взяв под локоть, провёл Ивана Ивановича над рухнувшей на гостиничный ковёр колкой чёрной щетиной.

На лестнице Глеб Олегович вручил Ивану Ивановичу его шляпу и, продолжая придерживать за локоть, доверительно проговорил:

- Теперь вам надобно сесть и, дыша медленно и глубоко, думать о ком-нибудь неоспоримо приятном. Лучше о близкой вам женщине. Нападение на человека, не обученного нападениям, может вызвать у него сердечные перебои. Я-то этим перестрадал ещё в детстве, а у вас лицо побагровело. О, свободные места. Вот за тот столик идёмте.

Кто бы мог подумать, что этот «столик» был подготовлен заранее, будучи составленным из трёх обычных четырёхместных столов. Через ничтожно краткий миг Его Величества Времени к сидящим мужчинам присоединилась Елизавета Филимоновна. Ещё через минуту этого времени к столу неуверенно приблизились Стеклоедов и Недомахов, и за столом совершились вставания и представления персон. А ещё через минуту Иван Иванович не без смеха рассказывал окружившим его людям, таким родным и милым, о забавном, почти неопасном, почти пустяковом происшествии, которое стало таковым после вступления в него Глеба Олеговича Дубова, одним ударом срубившего пьяного хама на постоялодворский паркет.

На них глядели. Паре глядящих Елизавета Филимоновна кивнула, и те не замедлили подойти и представиться. Так к компании добавились поклонники театрального таланта Елизаветы Филимоновны купец второй гильдии Пахом Парамонович Анисимов и житель Кавказа Какаури.

- Какаури, господа, князь, просто князь.

Из разных дверей, но одновременно, в ресторацию вошли мужчина и, как бы это не прозвучало банально, женщина.

- Позвольте представить, - встав и протянув руку к вошедшему, произнёс центр внимания собравшихся Глеб Олегович. – Мой друг, вместе путешествуем. Майор в отставке Клим Степанович Базаев.

- Здравствуйте, господа! – с весельем откликнулся только что наградивший «пьяного хама» пятнадцатью рублями Клим Степанович.

- Позвольте и мне представить, - радостно проговорила Елизавета Филимоновна, протягивая руку к прибывшей женщине, улыбающейся ей и согласно приближающейся к их длинному столу, к которому Стеклоедов и Недомахов услужливо и проворно добавили ещё один четырёхместный, а также и стулья. – Алла Васильевна Золотова.

Все сели, и взволнованный Иван Иванович воспроизвёл свой рассказ.

- Да, - сообщил Клим Степанович. - Я тоже видел эту персону. Отвратительный. С трудом нашёл свою дверь и прохромал в номер. Сильно ты его?

- Ты же видел, что в номер он сам ушёл. Жив, стало быть. Какое сильно.

- А скажите, дорогой Глеб Олегович, как это? – понизил голос до заговорщицкого Иван Иванович. – Вы же его просто разок ладошкой... А он весит несомненных семь пудов!

- Вам не доводилось в детстве, стоя по грудь в спокойной реке, хлопать по поверхности воды чуть согнутой ладонью?

- Как же-с! Забава известная.

- Хлопок получается сильный верно? Так вот если такую ладонь привести человеку в правый бок, в область печени, тот немедленно получит болевой шок. И чем крупнее человек, а, стало быть, и печень, тем шок надёжней.

- Откуда знаете? – ревниво спросил Какаури.

Клим Степанович, на минутку отошедший к половому для отдачи короткого тихого приказания, возвращаясь к столу, ответил вместо спрашиваемого:

- У меня поинтересуйтесь, князь, он скромный. Я же скажу: до японской войны Глеб Олегович обучал кадетов фехтованию в Пажеском корпусе Его Императорского Величества. Рука – железо.

- Верно, сами-то Глеб Олегович за границею обучались, - подчёркнуто уважительно проговорил Стеклоедов. – В России традиционно бьют в морду...

- И совершенно напрасно, - улыбнулся ему как равному Глеб Олегович. – Кость черепная массивна. Можно палец себе сломать. А ещё скорее – произвести рассек на визавишной физиономии, который станет наглядностью вашей вины, и в полицейской или жандармской картотеке на вас заведут сообразную репутацию. Зачем. Правильнее во всех отношениях – бить не оставляя улики. Уходить быстро. Тому меня научил японский самурай, пленённый мной под Мукдэном.

- Превосходная тактика, дорогой Глеб Олегович! – воскликнул Иван Иванович. – И как же произвели вы это наглядно! Господа! А позвольте спасённому, то есть мне, вас всех по приятельски угостить!

- Немного позже, если хотите, - дружески улыбнулся ему Клим Степанович. – Господа, извините меня, но об угощении я уже распорядился.

На этих его словах четверо половых быстро переставили на стол с подносов две бутылки шампанского, две вазы с фруктами, четыре графина водки, два длинных лотка с изобилием канапе, составленных из мягкой гренки,

обрезанной в лепесток дольки лимона и кубика буженины с мазком горчицы. Приборы соответственно.

Компания выпила.

- Я тоже могу много фехтовать, - вдруг заявил Какаури. — Глеб Олегович! Не изволите ли вы со мной фехтовать?

Дубов ответил без паузы и лаконично:

- Я не самоубийца.

Какаури задумался. Он в своём медлительном и вязком уме овцевода, недообразованного, недоотмытого, но воровато пролезшего в щедлость белой цивилизации, искал с мучительной напряжённостью намёка на оскорбительность, но всё выходило так, что могучий муж, одним ударом сваливший тяжёлого противника на паркет, в ответе на его, князя, дерзость, сам себя унизил. Это было неоспоримо, но тогда совсем непонятно — отчего залучившиеся мгновенно глаза Аллы Васильевны и Елизаветы Филимоновны разом метнули на Глеба Олеговича наполненные симпатией взгляды. «Равкна. Никогда не поймёшь этих русских.»

Выпили сызнова, и Иван Иванович провозгласил:

- Господа, а теперь позвольте и мне вас всех угостить! Увидев его подтянутый из внутреннего кармана толстый лоснящийся портмоне, Глеб Олегович доложил:

- Уважаемый Иван Иванович! Угостите всех, кроме меня, Клим Степановича и Аллы Васильевны. Немедленно объясняю. Сегодня мы сошлись здесь, чтобы между завтраком и обедом составить покер. А лишнее выпитое ему вредит.

- Позвольте, - недоверчиво улыбнулся Иван Иванович. — Алла Васильевна играет в карты?

- Ах, - устало ответила Алла Васильевна. — Что может быть препятствием богатой вдове в её безнадежной битве со скукой. Хотя я и использую всё доступное мне оружие. Покер...

- Абсент, - мгновенно предъявила собранию свою близость к тайнам сильной личности Елизавета Филимоновна.

- Абсент, благодарю, - согласно кивнула ей Артемида.
«Чемодан с маузэрами», - сказали тёплые чайные глаза актрисы.

«Чемодан с маузэрами», - ответно тепло согласились с ней озёрные синие глаза бывшей графини.

- Господа. – Голос Клима Степановича прозвучал почти торжественно. – Я всегда счастлив составить Алле Васильевне компанию в покер. И, чтобы объявить, что готов не только выиграть, но и проиграть, демонстрирую свою тысячу рублей. Сказал, и выложил на стол десять купюр сотенных кредитных билетов.

- Считаю и я своим долгом объявить, что готов не только выиграть, но и проиграть, - неожиданно азартно провозгласил Глеб Олегович, выкладывая на стол пачку купюр двадцатипятирублёвых кредитных билетов.

- У Аллы Васильевны доказательства состоятельности, как обычно, не спросим. Даже если бы она была мужчиной.

- Почему? – коротко спросил молчаливо наслаждавшийся до сих пор яркой компанией Пахом Парамонович Анисимов.

Клим Степанович взглянул на Аллу Васильевну и, не встретив в её ответном взгляде приказа молчать, пояснил:

- Наследство. Два миллиона. Причём не рублей. Германских золотых марок.

- Что, - незамедлительно спросила у купца улыбающаяся Алла Васильевна. – Капитал?

- Капита-а-ал! – выдохнул Пахом Парамонович. – Уважа-а-ю!

- Предлагаю присоединиться к нам, - сказала ему двумиллионщица голосом кротким и ласковым. – На общих условиях (взгляд на купюры, отсекающий безденежного фехтовальщика Какаури и надёжно, и деликатно). Всех приглашаю, господа. В моём номере, самом просторном в Афине, сейчас, то есть с тринадцати часов, до семнадцати.

- Увы, мы в это время не можем, - сообщили Стеклоедов и Недомахов, оставившие в очередное утро свои деньги у ювелира.

- Я тоже не могу в это время, извините меня, - горестно сообщил Какаури. – У меня тётя больная, обещал днём у неё быть.

- Жалко, - отмерила ему грусти во взгляде Алла Васильевна. - И рада за вас, господа! – Она перевела взгляд на союзно выложенные на стол кредитные билеты Пахома Парамоновича и кредитные билеты Ивана Ивановича. Иван Иванович сообщил:

- Я в покер не очень умею, господа, но ради счастья остаться в вашей компании тысячей охотно рискну.

- Ах как хотелось бы взглянуть, какой он есть – знаменитый покер, - дрогнув голосом, стараясь на смотреть на симпатичного ей и покидающего её Ивана Ивановича, посетовала Елизавета Филимоновна.

- Любой игрок может пригласить с собой в качестве зрительницы женщину, - подбадривающе сообщил Клим Степанович. – Вас, уважаемая Елизавета Филимоновна, я от имени всех приглашаю.

- Репетиция, - горько ответила приглашённая. – Один раз не приду – и мой милый номер в этой прекрасной гостинице театр перестанет оплачивать.

- Какой жестокий контракт, - сочувственно присвела писанные дворянские брови Алла Васильевна.

- А по-моему хорошо, - преувеличенно бодро сказала, вздёрнув атласный подбородочек, Елизавета Филимоновна. – Актёрам дисциплина спасительна.

Уходящие откланялись. Иван Иванович, приотстав, сообщил покидаемым:

- Елизавета Филимоновна, господа. Прошу вас, не торопитесь уйти. Позвольте мне всё-таки утвердиться в своей очереди на угощение.

И, поймав взглядом метнувшегося к нему полового, отдал распоряжение и отдал деньги. И хорошо сделал: оставаться за столом с фарфором голым, в пятнах буженино-греночных канале, разграбленных в полном количестве, было неблагородно. Это было нещепетильно ни для Елизаветы Филимоновны, ни хотя и полуголодного, но таки князя, ни для Стеклоедова и Недомахова, которые могли бы вполне пренебречь щепетильностью для весомых остатков водки, - мещанство, оно мещанство и под бархатом, и под дерюгой, но которые в данный момент состояли в обожателях их королевы. А по воле Ивана Ивановича, компания продолжила благородное общение не в соседстве объедков на приборах персон, оставивших её ради покера, а над перенакрытой скатертью, в обществе дополнительного шампанского, дополнительной водки, а также удачно поспевших на кухне пятидесяти медальонов из говядины, рубленной с луком и перцем. Стеклоедов и Недомахов львами набросились на истекающие луково-перечным соком сытнейшие чёрно-коричневые огненные медальоны, и к ним после напоказ выдержанной минуты присоединился князь, для истребления медальонов в противовес им более медленного, напоказ опять-таки.

Обе разделившиеся группы вождленным захлёб напитались.

Князь Какаури, витиевато простившийся из-за стола, схваченный тяжкой гордостью, медленными шагами повлёкший себя на бульвар, был предельно сыт, сильно пьян, причём предельно сыт и сильно пьян даром. И это было судьбоугодно, уместно, законно: из общего благого котла мира каждый берёт себе свою меру.

Оказавшиеся за столом в восхитительности их обычного уединения Елизавета Филимоновна и Стеклоедов с Недомаховым, с тяжким биением сердец и чувственным придыханием, произвели свой ритуальный обмен бриллиантов на счастье.

Компания же карточных игроков, прошествовавшая в действительно громадный номер Аллы Васильевны, была мгновенно обласкана роскошью игрального кабинета, его тишиной и укромностью, а также непритворной приязнью собравшихся дружка к дружке.

А вот здесь немедленно следует указать на то, что купец Пахом Парамонович Анисимов в покерный кабинет не пришёл. Он не вошёл даже в номер: приотставший Клим Степанович притворил перед ним дверь и негромко, но отчётливо произнёс:

- Благодарю за компанию, но вы здесь более не нужны. Ступайте жить по вашему обычному распорядку.

- Но позвольте, - мгновенно оскорбился купец второй гильдии, - милостивый государь!

И тогда Клим Степанович взглянул ему прямо в зрачки и объяснил по-другому:

- Згинь, пёс.

Деловой человек, доросший в купцах аж до второй гильдии, Пахом Парамонович закономерно обладал умением в самый нужный миг проницать в суть человека, от которого зависели уговор или сделка. Здесь он, вынужденный ответно уставиться в близко поднесённые сочно-зелёные глаза отставного майора, узрел явно: запросто открывающий свою невероятную способность к низкой хамской грубости, двадцатисемилетний примерно, слишком юный для обычного майорского возраста, - если только звание не выстрадано в боях, - совершенно беловолосый, ярко-зеленоглазый, безукоризненно благонадёжного облика Клим Степанович – совсем не есть добывший карьеру из кровавых японских трупов служака. А кое-кто пострашнее. Потому в дикцию, негромко, но отчётливо доложил:

- Бить не надо. Всего вам доброго. Благодарю.

И, осторожно отодвинувшись от кованных клиньев многоопытных зелёных глаз, Пахом Парамонович сделал медленный и глубокий шаг назад.

Зверюга, вахлак, упырь в маске, василиск, полу-демон ушёл в номер и дверь за собою мягко прикрыл. Замок щёлкнул. Пахом Парамонович вернулся из стиснутости дыхания в обычный его вид – глубокое, вольное. Удалившись от неприятной двери, он поскорее вышел из здания, – чтобы не объясняться с бывшими застоловниками о своём изгнании, объяснить которое было трудно. Так он сам себе доложил. А потом вдруг возразил (о, русского купца бандитской гирькой на цепке не очень-то испугаешь): «отчего ж трудно? Эти шулера-майоры хотят ограбить или Ивана Ивановича, или Аллу Васильевну... О да! Её, её! Два миллиона германских золотых марок – не пара ирисок!» И, исполнившись тем трудно обретаемым, но острым и восхитительным чувством, которое в Руси зовётся «отвага», взялся ждать появления нехорошей компании, чтобы, пребывая на людях в относительной безопасности, предупредить Аллу Васильевну о недопустимости для обладательницы двух миллионов той беспечности, с коей она данное обладание открывает. Хотя тщеславие – зверёчек приятный, но охотников на его мех – отставных майоров – на белом свете избытно.

Пахом Парамонович выбрал скамью в пригостиничном сквере на ему удобной дистанции, сел, и упрямо стал ждать, укрыв себя за ярко-красным, округлым сверху и заострённым книзу ратным щитом, то бишь газетой.

В мире существуют привилегированные сообщества. Мещанин, пусть он даже выбился в купцы второй гильдии, ни за что не войдёт в касту ювелиров, или в касту дипломатов, или в касту похитителей научных секретов и изобретений, или в касту карточных шулеров. В купцы – да, пожалуйста. А в сообщество сильных и опасных людей, коим является любая хищная группа, никаким боком. Для этого надобны два условия: родиться с императивом зверя в крови, и доказать этот императив перед группой. Купец же, даже и второй гильдии, – это как бы беспечно-трудолюбивая тля перед снующими в мире стремительными и безжалостными

муравьями. Это – так. Но в нашей цепи событий имелась ещё одна бытийная грань: яркая, лёгкая, весёлая компания была не просто группой карточных шулеров. И покер их - маска. В сути своей компания двоих молодых майоров и золотомарочно-миллионной красавицы являлась хирургическим ланцетом бытия в многослойном человеческом мире. Это были хищники высшего порядка, охотники на сильных и опасных людей. Так что дерзнувший им противостоять наивно-доблестный, симпатичный, справедливый, душевный Пахом Парамонович стоял на целых два ранга ниже во вселенском реестре доминирующей силы. Всё, что он смог – это проявить изрядный запас терпения, провосседав более двух часов за своим щитом в наблюдении за входной дверью. А в финале своего упрямого, наивно-доблестного, совершенно не свойственного деятельно-расторопным купцам малоподвижного мероприятия он обнаружил резкое и грубое вторжение мелькнувшей из-за своей спины чьей-то руки. Рука хватко взялась за узел навязанного на шее Пахома Парамоновича галстука-банта и на манер самолётного пропеллера крутанула этот узел, затягивая на кулаке. Бант мгновенно превратился в удавку и смертельно сдавил шею. Артерии склинило. Кровь прекратила нести в мозг кислород. Через шесть секунд голова отмерла. Тело обмякло. Выдержав ещё четыре секунды, Клим Степанович аккуратно уложил безвольный торс вдоль скамьи и выпрямился. И вот как только он выпрямился, Глеб Олегович Дубов сделал шаг из входной двери гостиницы. И как только он сделал шаг, Алла Васильевна привела-таки в порядок тужельку и, сияя благодарной улыбкой Ивану Ивановичу, продолжая опираться на его руку, вместе с галантным рыцарем прошла через распахнутую Глебом Олеговичем дверь.

Хотя оповещение об опасности купец предназначал Алле Васильевне, человекоохотникам надобно было пресечь это оповещение в отношении Ивана Ивановича. Через

полминуты после того, как Клим Степанович, цепко захвативший в память затаённо-враждебное выражение купеческого лица при коридорной ретираде, угрозу вмешательства этого лица в их дело пресёк, весёлая и доброжелательная компания поднялась в ландолет и покатила из города.

Пережатые шейные артерии сделались вновь округлыми, запульсировали, и, когда кровь нанесла в мозг количество кислорода, достаточное для включения, мозг включился.

Через две минуты после обморока Пахом Парамонович тяжело встал и, всё сопоставив, из сквера перед гостиницей уковылял. Не отцепившись, однако, своим противоборственным намерением от нехорошей компании. Нет, не таков был наш рус, по край залившийся воли после десяти поколений крепостного рабства, чтобы простить оскорбление, нанесённое ему дважды.

Хотя для справедливости надо указать, что отважный, но наивный купец сам привёл себя в оскорбления, не уступив дорогу мчащемуся паровозу, то бишь роковому ходу событий, кои были неотвратимы по причине их тщательнейшей подготовки. Давайте метнём наши взгляды в немного прошлое время.

Глеб Олегович с треском содрал с новенькой колоды новенькую обёртку, со вкусом перетасовал новенькие карты. Алла Васильевна внесла в игорный кабинет взятую в две рейки вертикаль ватмана, на коем пестрела потёртая схема покерных комбинаций.

- Моя старая шпаргалка, Иван Иванович! – с весельем провозгласила она. – Поскольку вы новичок...

- Я комбинации вполне знаю! – живо откликнулся Иван Иванович. – Мне бы лишь уточнить ваши правила провозглашения ставок!

- А метнём первый круг без денег, показательный, - предложил Глеб Олегович.

Все согласились, применив кивки и взгляды. Говорить надобности не было, симпатия всех ко всем в маленькой милой компании работала безмолвно. Ярко-синие взгляды Аллы Васильевны, просто неестественно синие, с кроткой любовью переплывали от таких же синих взглядов Глеба Олеговича и сочно-зелёных взглядов Клима Степановича к янтарно-чайным взглядам Ивана Ивановича, которым совершенно непризывно, и совершенно доверчиво улыбались.

Первый круг принёс Ивану Ивановичу убедительную удачу в картонном веере из четырёх королей.

- Каре, Иван Иванович! – так и подалась к герою Алла Васильевна. – Да вы, оказывается, счастливчик! Быть вам миллионером сегодня.

Все разулыбались. Иван Иванович, разумеется, более жарко, чем остальные. Он и помыслить не мог, что был обречён получить этих четырёх королей: колода после перетасовки мастерски, мгновенно подменялась Глебом Олеговичем или Климом Степановичем на другую, в которой карты заранее были уложены по предназначению играющим персонам. Этот финт не менее ловко могла бы сделать и Алла Васильевна, но её задача была другая: в нужный миг она задавала Ивану Ивановичу участливый вопрос, который совершенно не имел для неё значения – удобно ли Ивану Ивановичу кресло, не хочет ли он воды – и тому подобное. Значение имело лишь то, что хорошо воспитанный человек обязательно, неизбежно возводил взгляд на лицо обратившегося к нему. Или обратившейся. Такого отвода взгляда от тасуемых карт, даже самого краткого, было довольно для подмены колоды стасованной на колоду так называемую «заряженную».

Применялся не только отвлекающий вопрос. Могло быть и устроение падения какого-нибудь звонкого предмета, - зонта с костяной ручкой, мирно стоявшего у ножки кресла, или запонки с рукава на паркет, хорошо, чтобы она ещё и

покатилась, или столбика золотых монет, упакованных в вощёную бумагу, надломленного с треском для обильного высыпания на стол звонкого металла, или открывания крышки карманных часов с громким боем, – главное тут в том, чтобы все присутствующие одновременно бросили взгляды в источник звука, «загаскиваемый» в том числе. Миг – и колода подменена.

Таких уловок было надобно не больше трёх: две – для хороших выигрышей «загаскиваемого» на средних комбинациях, и третий – на почти предельно выигрышной комбинации, когда он бросал в ставку любые суммы. Секрет заключается во фразе «почти предельно выигрышной». Это был собственно «покер» на дамах или королях. В то время как у соперника был составлен «покер» на тузах.

Таковы профессиональные уловки шулеров, посвящённых в «высшие тайны». Но в нашей компании имелась ещё одна, составленная в резонанс к красоте Аллы Васильевны. Однажды в руках одного из игроков появлялся вексель, выписанный ею лично, на тридцать тысяч рублей, который игрок вносил в банк. Алла Васильевна вскрикивала – «дорогой Клим Степанович! (или дорогой Глеб Олегович!) Ну получите уже с меня наличные деньги, устала, право слово, быть должницей!» На что неизменно получала ответ: «Ни за что, дорогая Алла Васильевна. Ваш вексель – талисман. Удачу приносит!» Видя этот вексель поставленным в банк, и намереваясь благородно обменять его на наличные Аллы Васильевны после близкого уже выигрыша, «загаскиваемый» «загаскивался» на любые суммы.

Расчёт был как точен, так и безжалостен. Иван Иванович, после пяти отчаянно-доходных для него туров получил почти оглушивший его «покер» на талисманских сегодня для него королях: четыре короля и джокер, который по желанию игрока мог выдаваться за любую карту колоды, в данном случае – за пятого, «покерного» короля.

Оглашение ставок происходило по кругу. Очевидно, что у соперников в этой раздаче разом оказались сильные карты, и Глеб Олегович, и Клим Степанович вложили в банк по семьдесят тысяч рублей. Добавил до семидесяти тысяч и Иван Иванович. Его слово по кругу было последним, и он мог бы, уравнив свою ставку до ставок соперников, закрыть торги и открыть карты. Но он увидел, что, оставшийся без наличных денег Клим Степанович нервно вертит в руках тридцатитысячный вексель Аллы Васильевны, и, ставку уравнив, объявил новое повышение – на тридцать тысяч.

Иван Иванович был спокоен: на руках у него оставалось ещё девяносто тысяч, - счастливый итог первых пяти туров.

- Тридцать тысяч Ивана Ивановича уравниваю, - сообщил Клим Степанович, - и... какой у нас теперь круг ставок? То есть какую сумму сверху я теперь имею право назначить?

- Четвёртый круг ставок, - ответил ему Глеб Олегович, - стало быть, следующее повышение возможно до двухсот тысяч.

Клим Степанович положил-таки в банк вождеденный для Ивана Ивановича вексель, и объявил:

- Поднимаю ставку на двести тысяч.

Мёртвая тишина повисла в игорном кабинете. После нескольких томительных секунд Алла Васильевна поинтересовалась:

- И где же они?

- В моём номере, - ответил Клим Степанович. - Сейчас принесу.

И, вставая из-за стола, бросив взгляд на выложенные «рубашками» кверху карты, добавил:

- Доверяю вам, господа.

И вышел.

Тишина воцарилась снова. Алла Васильевна медленно положила свои карты, а затем кисти рук на край стола. Глеб Олегович вслед за ней медленно положил кисти рук на край

стола. Расценив это как демонстрацию неприкосновения к покинутым картам Клима Степановича, Иван Иванович так же положил кисти рук на край стола. Он был оглушён: при наличии у него выигрышной комбинации карт – ста десяти тысяч до требуемых двухсот у него в данный момент не хватало. Даже если позволительно будет отлучиться до банка и снять имеющиеся на его счету семьдесят три тысячи, эти семьдесят три тысячи положения не спасали.

Вернувшийся Клим Степанович глубоко кивнул, безмолвно выражая уважение щепетильности игроков, кою они выказали по-школьному положенными на стол руками. Сел за стол и вдавил в грузную кучу денег на середине стола принесённые им четыре толстые пачки банковских бумаг, в банковских упаковках с гербами, на каждой из которых крупно алели цифры 50 000. Выпрямившись в кресле и союзно с игроками положив руки на край стола, сказал Глебу Олеговичу:

- Твоё слово.

Глеб Олегович глубоко вздохнул. Помолчал. Встал из-за стола и, так же как недавно Клим Степанович, взглянув на свои карты, сказал:

- Доверяю вам, господа.

И вышел.

Он вернулся с четырьмя пачками купюр, как две капли воды похожими на пачки Клима Степановича. Выложил их перед собой в плотный рядок, учетверив алую цифру 50 000. Но в банк перемещать их не спешил. Взглянул на Клина Степановича. Затем на Ивана Ивановича. Улыбнувшись Ивану Ивановичу, сообщил:

- Мы с ним получили одинаковую наградную выплату из военного министерства.

И решительно произнёс:

- Пас.

- Остро, - откликнулся Клим Степанович. – Пощекотал нервы. Что-ж не поставил?

- Да вот не решился, - снова глубоко вздохнув, ответил ему Глеб Олегович. – Уж больно уверенно держит себя Иван Иванович.

А у Ивана Ивановича произошёл спазм лицевых капилляров. Он сильно побледнел. Неудержимо дрожащими руками принялся пересчитывать свои девяносто тысяч.

Объявил:

- Имею всего девяносто тысяч...

- Только не произносите «пас», - быстро вытянула к нему руку Алла Васильевна. И добавила, обращаясь к Дубову и Базаеву: - выигрыш должен быть безупречным, верно?

Оба ответили:

- Несомненно.

- Безспорно.

Тогда Алла Васильевна сказала Ивану Ивановичу:

- У вас дома имеются деньги? Достаточные, чтобы эти двести тысяч уровнять?

Иван Иванович выдавил:

- В банке... Семьдесят три тысячи... и всё.

- А вы в своих картах уверены? – снова подавшись к нему, спросила Алла Васильевна.

С болью взглянув ей в глаза, Иван Иванович молча кивнул.

- Тогда... Продайте Глебу Олеговичу ваш дом. Глеб Олегович, купите у Ивана Ивановича дом. За двести тысяч. Вам можно, вы сказали «пас». Клим Степанович, будут ли возражения?

Клим Степанович весомо сказал:

- Если покупка дома будет совершена у нотариуса, то правила покера обяжут меня признать, что деньги принадлежат Ивану Ивановичу, и принять его ставку. И если для перехода денег от Глеба Олеговича к Ивану Ивановичу требуется сделать перерыв... то и это не может быть обременено возражением. Мы же с Глебом Олеговичем делали.

- А если после покера Глеб Олегович и Иван Иванович съезжают и переписуют дом обратно?

- Это уж как они решат. Для правил покера важным является то, чтобы деньги принадлежали игроку лично. А не были одолжены или подарены. Я-то играю на свои кровные.

Иван Иванович отчётливо покраснел. Удача и счастье вернулись в его кровь и дыхание. С невыразимой благодарностью он взглянул на Аллу Васильевну, которая подвела итог:

- Таким образом, друзья мои. Сейчас мы оставляем карты на столе. Замыкаем кабинет. Замыкаем номер. Едем к Ивану Ивановичу за документами на дом, затем к нотариусу. Возвращаемся сюда. Иван Иванович своими уже четырьмя пачками уравнивает ставку, и... открываем карты. Согласны? Иван Иванович?

Эта секунда была целевой в их загаске. Иван Иванович в незримо навязанных ему условиях был обречён произнести, и произнёс:

- Я согласен. Благодарю, господа.

Вышли слитной компанией, но Клим Степанович в коридоре объявил:

- Поспешу на удачу, нет ли у гостиницы свободного экипажа.

И маршевым шагом убыл вдоль коридора, шепнув, минуя Глеба Олеговича, короткое сообщение: «купец...»

Все трое знали, что делать далее. Не впервой. За два шага до гостиничных дверей Алла Васильевна ойкнула, подвернув каблучок, и схватилась за мгновенно и мощно согнувшуюся в локте руку Ивана Ивановича. Глеб Олегович участливо взглянул на каблучок, и, выжидая, не понадобится ли и его помощь, замер в приоткрытой двери. Алла Васильевна, пережидая боль, морщась, виновато-благодарно снизу вверх смотрела на Ивана Ивановича, сладкой тяжестью обременив мужскую сталь его длани, а Глеб Олегович стал смотреть за створку двери. Едва лишь Клим Степанович выпрямился над

скрытой за кустами скамьёй, опытный и участливый наблюдатель сделал шаг из дверей, тем дав Алле Васильевне команду справиться с болью. И, оживлённые, счастливые, все дружно вышли. Махнувший к дороге через кусты Клим Степанович остановил резвый извозчичий ландолет, в коем через полминуты все и разместились. Возвращаем наши взгляды в настоящее время.

Известно, что сытая и хорошо подкованная лошадь покрывает версту за две минуты. На паре мощных четырёхлеток ландолет пролетел восемь вёрст по крепкой, без колдобин, дороге, примерно за четверть часа. Приближающуюся к ним громаду уникального дома, с двумя величественными орлами на угловых каменных башнях и втиснутыми между ними двухэтажными бревенчатыми хорами смотрели с неискренним любопытством: давно изучили и оценили.

Иван Иванович, умоляя судьбу, чтобы только на пути в кабинет и обратно ему не повстречалась глава домовой инквизиции Авдотья Михеевна, отомкнул в кабинете сейф, взял папку с документами на дом, почти бегом вернулся в экипаж, и мысленно перекрестился: не повстречалась.

Охота Глеба Олеговича и Клим Степановича была безупречной. Не только принятый в должное внимание и безжалостно устранённый купец второй гильдии Пахом Парамонович составлял данную безупречность. Но ещё и Ян Сильвестрович Коницев, непосредственный участник волчьей компании, совершенно посторонний для любых других глаз. Он с утра мыкался в конторе нотариуса, коим нотариусом являлся Мазай Демьянович Блох.

Ян Сильвестрович, занявший очередь к нотариусу, должен был пропускать всех очередников как бы в нервном ожидании подвоза недостающего документа. И уступить свою очередь Алле Васильевне по приезду к Блоху покерной компании.

Не понадобилось. Когда покерная компания подъехала к нотариальной конторе, кроме Яна Сильвестровича клиентов не было. Выйдя из конторы на звук подъехавшего экипажа, Ян Сильвестрович, не обнаруживая знакомства с подъехавшими, тихо и незаметно ушёл.

А прибывшие для совершения сделки Иван Иванович и Глеб Олегович вошли к Мазай Демьяновичу. И с ними вошла Алла Васильевна, мгновенно поднявшая с кресла шестидесятилетнего женолюбца, обратившись к нему в неотразимо вежливом тоне:

- Милый и уважаемый Мазай Демьянович! Мой друг желает приобрести дом у местного домовладельца. Для совершения сделки вам надобны свидетели, или мне подождать в приёмной?

Тучный, с одышкой, с бородавкой над бровью Блох отвечивал, медленно опускаясь назад в кресло:

- Свидетели по правилам не надобны... Но вы можете подождать с нами в кабинете, кресла тут есть, уважаемая...

- Алла Васильевна.

- Алла Васильевна. Господа, к вашим услугам.

Документы были в совершенном порядке. А как ему не оказаться совершенным: владелец один. Ни жены, ни детей. Ни долгов. Ни залогов.

- Продаёте вместе с земельным имением? – спросил Мазай Демьянович, - или участки, флигели будем отделять?

- Да что там отделять, - негромко подсказала Ивану Ивановичу Алла Васильевна. – Время дорого. Всё равно сегодня обратно...

- Не будем отделять, - сообщил нотариусу Иван Иванович. Продаю полным имением. За двести тысяч.

- Пятнадцать лет назад указанное имение с домом оценены в триста двенадцать тысяч, - посмотрев в бумаги, затем на Глеба Олеговича, сказал нотариус. – Поздравляю с выгодной покупкой, господин Дубов. Сегодня эта усадьба

тянет на полмиллиона. Мне указать, что деньги пересчитаны в моём присутствии, или вы составите плату на доверии?

- Обязательно пересчитать, - снова подсказала Алла Васильевна, - и сделать о факте пересчёта запись в купчей.

Кивнув клерку-помощнику составлять купчую, Мазай Демьянович принял от Глеба Олеговича четыре пачки купюр и, с треском надрывая банковскую обёртку, приступил к самому приятному в своей жизни занятию: пересчёту наличных, хотя в этот раз вместо кредитных билетов ему предъявили оценённые в двести тысяч рублей государственные военные векселя.

Закончив считать, Мазай Демьянович отхватил ножницами аршин пеньковой бечевы и тренированно-ловко, красуясь перед Аллой Васильевной, увязал все двести тысяч в один массивный кирпич.

Кирпич принял Иван Иванович. Новенькую гербовую купчую и старые документы на дом и землю принял Глеб Олегович. Комиссионные за сделку принял Мазай Демьянович. Компания погрузилась в экипаж и покатила в «Афины».

- Как же хочется есть, - сообщил Клим Степанович.

- Выигравший угощает? – жарко улыбаясь, задала вопрос Алла Васильевна.

- Охотно! – живо откликнулся Иван Иванович.

- Иван Иванович, - задумчиво посмотрел на него Клим Степанович. – Вы пока что не выиграли.

- Ну да, ну да, - как бы отмахнулся от него Иван Иванович. – Немного опередил... Извините.

Отомкнули номер. Вошли. Отомкнули кабинет. Вошли. Включили освещение. Карты, деньги – как и лежали. Подчёркнуто неторопливо заняли свои места.

- Итак, - сказала, горя волнением, Алла Васильевна. – Ивану Ивановичу, уверенному в своих картах, осталось внести в банк двести тысяч.

Иван Иванович медленно протянул руку и грузно втиснул кирпич в гору имеющихся на столе денег.

Дрогнувшим голосом произнёс:

- Уравниваю. Прошу открыть карты.

И, не в силах сдержать плеснувшее с лица ликование, открыл четырёх королей и джокера.

- Сильная карта, Иван Иванович, - спокойно и ровно произнёс Клим Степанович. – Но моя, извините, сильнее.

И открыл четыре туза и второго джокера.

- Чутьё! - громогласно объявил Глеб Олегович. – Как вовремя почувствовал, что моя карта – не самая сильная! Ну, Иван Иванович, остро сыграли! Пощекотали нам нервы!

И открыл своё каре – четыре десятки.

Клим Степанович взял из банка перемотанный пеньковой бечевой кирпич и положил перед собой. Затем добавил к нему свои четыре пачки по пятьдесят тысяч. А затем взял вексель на тридцать тысяч и, поцеловав его, протянул Алле Васильевне:

- По случаю такого выигрыша... Меняю на наличные.

- Ну наконец-то! – воскликнула Алла Васильевна. – Я более не должница!

- Иван Иванович, - спокойно и деловито проговорил Глеб Олегович. – Намерение наше остаётся в силе? Если вы сегодня до окончания работы нотариуса найдёте двести тысяч, я ваш дом перепродаю вам назад. Будет у вас такая возможность?

- Нет, - заставил себя заговорить Иван Иванович. – Семьдесят три тысячи в банке.

- Обналичьте из них тридцать пять, - вдруг сказала Алла Васильевна. – Поедемте сейчас же, пока банк работает.

- Но... для чего? – спросил заметно вспотевший Иван Иванович.

- Поедем в Москву. Я к вашему проигрышу оказалась причастна, так что имею намерение возместить. Мне предлагают пай в покупке миллионного золотиносного

рудника на Урале, за шестьдесят тысяч. Очень выгодно, практически подарок, но мне было лень заниматься. Ради вас, Иван Иванович, я займусь. За два года мы вернём ваши двести тысяч. А для вашей уверенности мы с вами купим этот пай пополам. А затем... Иван Иванович, давайте затем уедем на лечебные воды в Баден-Баден? Я этих вот уже полгода прошу свозить меня в Баден-Баден, но Глеб Олегович занимается восстановлением своего места в пажеском корпусе, а Клим Степанович из вежливости не бросает его ради моей поездки.

- Как Стеклоедов и Недомахов, - вымученно улыбнулся Иван Иванович.

- Что-что? – переспросила Алла Васильевна.

- Такая дружба всегда восхищает, - ответил Иван Иванович.

- Так мы едем?

- Право, мне не совсем удобно пользоваться вашей... да и отнимать вас у вашей дружной компании...

- Или вы считаете меня недостаточно красивой для своего общества? – преувеличенно испуганно спросила Алла Васильевна.

Засмеялись Глеб Олегович с Климом Степановичем, затем Алла Васильевна, а потому обречён был засмеяться, и засмеялся и Иван Иванович.

Уводя Ивана Ивановича из номера, Алла Васильевна говорила:

- Да здравствует ваша дерзость, Иван Иванович! Вот так и надо проигрывать! Невозмутимо!

Оставшись наедине, Глеб Олегович и Клим Степанович неторопливо упаковали все деньги в общую кассу, в потёртый пузатый портфель.

- Теперь вот что, – сказал Глеб Олегович. – Фамилия Честин хорошо известна в городе, и хорошо известна в банке.

- Вкусно, - ответил ему напарник по загаску. –
Банковский счёт Ивана Ивановича переходит в нашу схему,

но для внутрибанковского инспектора его владельцем останется Честин. Сколько внесём?

- Двадцать миллионов. Как ты?

- Согласен. Сделаю в четыре транша. Первый, третий и четвёртый – тысяч по триста. Для инспектора – понятный режим дохода с золотого прииска. А второй транш – девятнадцать миллионов, как факт находки богатой золотой жилы. Проводку платежей сделаю через уральскую горную ассигновку. Как ты?

- Согласен. И после первого транша оформим обратную купчую, восстановив собственником дома с орлами господина Честина.

- И это вкусно. Наше владение усадьбой делается невидимым, благодарение за науку господам масонам. Мы и дети располагаемся там в ранге гостей. А на господина Честина надеваем узду в виде его завещания усадьбы госпоже Золотовой, без права изменения. Хотя он и без того надёжно управляем, поскольку интеллигент и человек слова.

- Полагаю подкрепить эту схему. Вторично поблагодарив масонов. Известно, что на интеллигентов весьма результативно действует страх. Пусть господин Честин прикоснётся к силе, которой мы истребим обитание в доме Авдотьи Михеевны и Мирона Гавриловича.

- Мирона Гавриловича будем пытаться?

- Непременно. Главное – успеть подвесить его на дыбу до того, как он охватится паникой и выдаст украденный у хозяина доход с имения. И ещё важно, чтобы Иван Иванович лично прикоснулся и к дыбе, и к изъятому у Мирона Гавриловича золоту, и к изъятым у Авдотьи Михеевны деньгам. Убеждён, что после этого Иван Иванович приобретёт долю мужественности, надобную для сдерживания самого себя в разговорах с любимой женой. Не нужно женщине знать то, что ей знать не нужно.

- Гут.

В этот же день в театре, в самый разгар репетиции, режиссёра, с решительностью, достойной полководца, распорядившегося вьющимися по сцене актрисами, остановил в его стратегическом раже визит очень красивой дамы, молча прошедшей к ступеням сбоку рампы, и неподражаемо грациозно по сим ступеням поднявшейся. Дама, рассыпая из умопомрачительной броши колкий блеск цветных бриллиантов, ступая, как королева, неторопливо и гордо, приблизилась к Елизавете Филимоновне Цёминой, своею рукой в шёлковой белой перчатке взяла оную за руку, и со сцены в неизменном молчании увела.

Изумление режиссёра, давшее целую минуту паузы, разразилось его воплем к труппе:

- Вы мне можете объяснить, что происходит?!

Ещё через две минуты ему объяснил незнакомый человек, в хорошем костюме, средних лет, с видной фигурой, скромный. Он подошёл к столу режиссёра и положил на алую скатерть брусок взятых в банковскую бандерольную ленту денег. Человек сказал:

- Имею передать пять тысяч рублей для возврата билетов купившим их на сегодняшнее и завтрашнее представления. Далее выкручивайтесь сами. Елизавета Филимоновна Цёмина, давшая согласие выйти за меня замуж, в вашем театре более не служит. Дамы. Господа.

Поклонился, и ушёл из театра.

За три минуты до этого в гулком роскошном фойе произошла сцена почти уместная для театра. Алла Васильевна Золотова подвела к Ивану Ивановичу Честину Елизавету Филимоновну Цёмину и приказала:

- Иван Иванович. Делайте предложение руки и сердца.

Кивнув предвиденной паузе, продолжила:

- Елизавета Филимоновна, дерзнув использовать наше с вами абсентное сёстринство, я только что в банке открыла на ваше имя счёт, куда перевела со своего счёта сто тысяч рублей, без условий, в подарок. Вы более не безприданница. И вы

более не служите актрисой театра, а выходите замуж за Ивана Ивановича, тайно любимого вами. Иван Иванович, я жду вашего предложения для Елизаветы Филимоновны.

Согласитесь, что ехать в Баден-Баден нам с вами вдвоём в данном обстоятельстве явно зазорно. А вот свадебное путешествие – это достойно. Елизавета Филимоновна, Иван Иванович час назад проиграл в карты свой огромный и знаменитый дом. Я верю, что вы дадите ему женскую поддержку в этом ударе судьбы, хотя и не очень тяжёлом: проживать вы с Иваном Ивановичем станете в этом доме, новый владелец дома о своём согласии на это мне сообщил.

Так сказала, и перевела взгляд на Ивана Ивановича.

Иван Иванович, побагровев, произнёс:

- Такой галоп судьбы трудно быстро осмыслить.

Лизанька, родная. Выйдешь ли ты за меня замуж?

Елизавета Филимоновна, судорожно смахнув выброшенные на длинные ресницы нежных чайных глаз алмазно сверкнувшие слёзы, молча приблизилась к Ивану Ивановичу и поцеловала в губы. Затем она обернулась к Алле Васильевне и, взяв её руку в шёлковой белой перчатке, поцеловала шёлк. Алла Васильевна, подогнув переднюю полу своей шляпки, поцеловала невесту в лоб, раскрыла сумочку, достала брусок денег в банковской бандероли и сказала Елизавете Филимоновне:

- Милая, попросите вашего Ивана Ивановича отнести эти деньги режиссёру, дабы вернули билеты на два ближайших представления купившим их.

Оставшись вдвоём с Елизаветой Филимоновной, Алла Васильевна сказала:

- Теперь пойдёмте в ваш номер, сдадим его, и ваши вещи перевезём в дом с орлами. Затем получим документы на ваш с Иваном Ивановичем выезд за границу. Возьмём два купе в мягком вагоне и покатаем в Баден-Баден. Там меня ждут три доченьки-крохотули. Двух годиков, четырёх и семи. И – беременейте, дорогая Елизавета Филимоновна, смело

беременейте. Я знаю тайну, как родить легко и без боли даже с вашим тонким телосложением.

Елизавета Филимоновна, с испуганным восторгом глядящая в ослепительно-синие глаза Аллы Васильевны, тихо произнесла:

- Алла Васильевна, милая. Кто вы такая?